

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ СТЕПАНОВ (8 ИЮЛЯ 1930 — 3 ЯНВАРЯ 2012)

Впервые героя своих заметок я увидел в ноябре 1983 года. В тот день отметил 90-летний юбилей Алексей Фёдорович Лосев — филолог, философ, богослов, один из крупнейших знатоков античности. Юбиляра чествовали в Коммунистической академии МГПИ им. Ленина (пер. Хользунова, ныне МПГУ на Малой Пироговской улице). Выступавшие соревновались в остроумии (философ Ф.Х. Кессиди, например, привёз венки из свежих лавровых листьев и торжественно надел его юбиляру на голову). Те, кто не смог лично присутствовать, посылали записки, адреса, телеграммы. Особенно восхитил собравшихся текст такого содержания: «Нашего младшего товарища поздравляем с замечательной датой». Подписали его выдающийся русист Николай Семёнович Поспелов (1890 г. рождения) и профессор литературоведения 1888 г. рождения, фамилию которого я, к сожалению, не расслышал. Одним из запомнившихся выступавших был стройный, элегантный и с виду очень молодой (несмотря на заметную проседь) профессор Ю.С. Степанов. Он говорил о личности А.Ф. Лосева, о биении духа, всегда ему свойственном, о необыкновенной эрудиции и энтузиазме юбиляра, позволившем ему создать фундаментальную 8-томную «Историю античной эстетики» и ещё пару десятков монографий. Я спросил потом у О.С. Широкова: «Сколько же лет Ю.С. Степанову? На вид 40-45». О.С. ответил: «Юра Степанов учился позже меня в аспирантуре на 2 года; я же на 3 года старше своих однокурсников. Значит, он с 30 или 31 года — сейчас 52 или 53». Через год, в ноябре 1984 г. состоялась большая конференция по теоретическим проблемам языкознания. Приняв в ней участие, я узнал или, по крайней мере, вживе увидел многих корифеев отечественного языкознания: В.Н. Ярцеву, А.Д. Швейцера, М.А. Кумахова, В.Г. Гака, Р.Г. Котова, А.С. Мельничука, А.В. Десницкую, В.М. Солнцева¹ и многих других. На ней был запланирован и обстоятельный доклад Юрия Сергеевича о структуре индоевропейского предложения. Тема эта меня чрезвычайно заинтересовала, но из-за болезни автора доклад не был прочитан. В конце того же года Ю.С. был избран в члены-корреспонденты АН, что было воспринято как весьма позитивный факт: молодой, но уже заслуженный, блестящий лингвист.

Познакомился с Ю.С. Степановым я ещё через год, на V Международной конференции балтистов (Tarptautinė baltistų konferencija, Вильнюс, сентябрь 1985 г.) Если на московской конференции присутствовали многие крупные отечественные лингвисты, то на вильнюсскую конференцию приехало много народу из-за рубежа: В.П. Шмид, В. Шмальстиг, Ф. Кортландт, А. Эрхарт и др. С некоторыми из них я познакомился, вёл затем переписку. Ю.С. сделал там один из пленарных докладов: «Индоевропейское и балто-славянское предложение: Линии развития». Затем Ю.С. был сопредседателем той секции, где стоял мой доклад. Выслушав его, 55-летний член-корреспондент уселся на стол, перекинул ноги и оказался у доски, после чего начал меня и хвалить, и ругать. После этого я высказал свои соображения по поводу его доклада. Потом, вспоминая наше знакомство, Ю.С. почему-то утверждал, что я набросился на него с неприязнью. «Мне показалось, что кто-то Вас против меня настроил». Я, естественно, возражал на это: «Ю.С., если бы я к Вам испытывал неприязнь, разве бы я стал с Вами беседовать?»

Как раз в это время Ю.С. интенсивно работал над книгой об индоевропейском предложении. Впрочем, свойственный ему универсализм никогда не позволял ему замыкаться в рамках одной темы. Помню, как в 3 номере «Известий АН» за 1984 г. он поместил статью о балто-славянском синтаксическом обороте *Nominativus cum infinitivo*, а в следующем — о «Цветном сонете» Рембо (с собственным переводом). В 1985 году вышла его яркая книга «В трёхмерном пространстве языка», где предмет рассматривался сквозь призму семиотики, в связи с философией и литературой. Но во второй половине 80-х гг. Ю.С. более всего интересовался индоевропейским синтаксисом, и это нас сближало. Вскоре после вильнюсской конференции я его встретил в Институте языкознания, куда ходил занимать-

¹ Время неумолимо: никого из перечисленных нет в живых...

ся в библиотеке. Поздоровавшись, я сказал не без робости: «Юрий Сергеевич, я прочитал Вашу статью о герундиях и герундивах, хотел бы поделиться соображениями». И мы увлечённо подискутировали на эту тему. Он пригласил меня заходить ещё. И я пришёл к Юрию Сергеевичу с другой работой. Сначала я сделал наброски статьи о взаимосвязи синтаксиса и морфологии в индоевропейской реконструкции. Посмотрев мои тезисы, он заметил: «*Se non é vero, é ben trovato*. Попробуйте написать связный текст, подумаем о публикации в “Известиях АН”». Когда же я принёс статью, он её прочитал, высказал одобрение, но заметил: «По жанру ваша работа не совсем подходит “Известиям”. Вы знаете, Нинель Зейналовна Гаджиева постоянно составляет сборники по компаративистике. Я с ней поговорю. Вам лучше настроиться на публикацию у неё». И, не откладывая дело в долгий ящик, заглянул в сектор компаративистике, после чего позвал меня туда. Так я впервые встретился с Н.З. Гаджиевой, которая заслуживает отдельного рассказа: выдающийся тюрколог, организатор науки, человек редкостной доброжелательности, достойная спутница великого лингвиста Б.А. Серебренникова. Статья, предложенная Юрием Сергеевичем, была опубликована в сборнике, носившем подзаголовок «Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры».

В мае 1988 года я поступил на службу в издательство «Наука». Именно в этот момент там началась редактироваться монография Ю.С. «Индоевропейское предложение». Я попросил разрешения заглянуть в неё, заметил несколько ошибок в греческом тексте. Вскоре появился сам Юрий Сергеевич, тепло приветствовал меня. Затем он подошёл ко мне и сказал: «Костя, вы правы насчёт опечаток. Я бы вам был очень признателен, если бы вы посмотрели всю рукопись на предмет подобных опечаток». С этого началось наше более тесное сотрудничество. Вспомнив наш разговор о герундии, Ю.С. предложил мне написать о нём статью. Я сказал, что обязательно это сделаю, как только допишу текущую работу. «Над какой это секретной темой вы работаете?» — шутливо поинтересовался тот. Когда же узнал, что статья посвящена проблемам дейксиса, обрадовался и сказал: «У нас Татьяна Вячеславовна Булыгина-Шмелёва составляет сборник на эту тему!» Так, благодаря Юрию Сергеевичу, я познакомился с ещё одной замечательной женщиной — большим лингвистом, мудрым и обаятельным человеком. Статья была опубликована через какое-то время.

В начале марта 1989 г. Ю.С. позвонил мне и сказал: «Костя, зайдите в институт, поговорим о работе, если вас это заинтересует». Выяснилось, что Академия наук получила указание на создание молодёжных коллективов учёных. Ю.С. предложил программу по когнитивной лингвистике — направлению, которое в конце 80-х гг. в тогдашнем Советском Союзе было новым и малоизвестным. По первоначальному замыслу Ю.С., знатоки разных языков должны были искать в предметах своего изучения некие универсальные когнитивные структуры. Проект получил поддержку, ждать же её реализации, к сожалению, пришлось 2,5 лет: перейти в институт мне удалось только в октябре 1991 г. Юрий Сергеевич, будучи необычайно ответственным, дорожающим своим словом руководителем, переживал эти задержки не меньше меня. Как-то он показал мне бумагу из Академии наук, заметив: «Не думайте, что я какой-то пустоболт». Но были обстоятельства, которые не мог преодолеть и действительный член АН, каковым Ю.С. стал в 1990 г. К этому времени союзный бюджет разболтался, и получить финансирование под новый проект было довольно трудно. Только к осени 1991 г. финансовые вопросы были решены.

Вместе со мной в Институт поступили Таня Янко и Наташа Азарова. Таня, как и я, продолжает непрерывно работать в институте. В один год мы с ней защитили наши докторские диссертации; Таня опубликовала свою работу как книгу, затем выпустила ещё одну. Наташа лет на 10 отвлеклась на бизнес. Затем она увлеклась китайским языком, даже стала переводить с него. Оставив коммерцию, Наталья стала преподавать в МПГУ, а затем подготовила докторскую диссертацию, которую благополучно защитила в 2010 году. Сейчас работает в Отделе теоретического языкознания, — куда пришла вместе со мной 21 год назад.

В то время создать группу когнитивной лингвистики не удалось. Каждый из исполнителей был слишком занят своей темой: Наташа — лингвистической культурологией, а затем бизнесом, Таня — тема-рематическим членением высказывания, я — компаративистикой. Свою роль сыграло и то, что для самого Ю.С. когнитивная лингвистика не была предметом первостепенного увлечения. Он заинтересовался ей постольку, поскольку всю жизнь размышлял о философии языка. Собственно же когнитивную лингвистику стали энергично штудировать Е.С. Кубрякова и её ученики, — прежде всего Н.Н. Болдырев, назначенный после защиты докторской диссертации проректором Тамбовского университета. Именно благодаря увлечённости Елены Самойловны и организационно-административным усилиям Николая Николаевича в России появилась и Ассоциация лингвистов-когнитологов, и журнал «Проблемы когнитивной лингвистики». Справедливости ради надо сказать, что когнитивная лингвистика и до сих пор не очень чётко определила предмет своего изучения, не аксиоматизировала свои основные положения. И то, о чём мечтал Ю.С., — поиск когнитивных структур в разносистемных языках, — до сих пор не осуществлено, так как остаётся не вполне ясным, как именно когнитивные структуры отражены в языке, универсальны ли они или специфичны.

Работать с Юрием Сергеевичем было необычайно интересно. Его эрудиция поражала и восхищала. Однажды мы проводили в Институте языкознания конференцию молодых учёных и попросили его председательствовать на одной из секций. Он прокомментировал каждый доклад, всем дал полезные советы, наметил перспективы в исследованиях. Руководимая им секция превратилась в своего рода мастер-класс. И при обсуждении любой работы в секторе Ю.С. обязательно высказывался, ссылаясь на многочисленных авторов, не всегда известных автору обсуждаемого исследования. Проявлял Ю.С. интерес и к популяризации лингвистики. В 1991 г. мой отец задумал издавать популярный журнал по филологии для школьников «Юный словесник» (сокращённо ЮС — тёзка нашего героя!). Юрий Сергеевич согласился написать статью об основах языкознания. К сожалению, не удалось выпустить ни одного номера журнала. Но через 2 года отец возглавил газету «Литература» (Издательский дом «Первое сентября»), где и поместил часть собранных ранее материалов. Заметка Ю.С. не имела выходов в литературу, поэтому опубликовать её не удалось. Но в начале 1998 г., когда появился словарь «Константы», я предложил перепечатать оттуда статью под названием «Моральный кодекс Чехова». Сначала Ю.С. отнёсся к этому предложению прохладно, вспомнив неопубликованную статью. Но затем сменил гнев на милость. Когда же нужно было получать гонорар, он попросил меня поехать вместе с ним в редакцию. Ему, утончённому и деликатному интеллигенту, неловко было приходиться одному в совершенно незнакомое место. Когда мы пришли, касса оказалась закрыта на перерыв. Я предложил зайти к главному редактору, чтобы познакомиться с ним. Отец стал дружелюбно беседовать с автором; в это время зашла его старая знакомая, профессор, в совете у которой он когда-то защищал докторскую. «Познакомьтесь: это мой сын, а это академик Юрий Сергеевич Степанов». Ю.С. весьма почтительно и галантно её приветствовал; но дама была поражена. Она никак не ожидала встретить прославленного академика Степанова в газете, предназначенной для школьных учителей. Ну а сам Ю.С. отличался необыкновенной демократичностью. У него были, конечно, свои недостатки. Как тонкий, впечатлительный человек, он бывал чрезмерно обидчив². Но высокомерия никогда не проявлял, равно уважительно беседовал со студентом и академиком, оценивая не ранг собеседника, а только его мысли. Сейчас с горечью думается, что его талант популяризатора был востребован недостаточно. Ему бы побольше выступать с лекциями для тех же учителей словесности.

Я до сих пор скорблю о том, что к моменту моего перехода в его сектор научные интересы самого Ю.С. поменялись. Это наглядно проявилось во время нашей с ним поездки в

² Вспоминаю, как на Вильнюсской конференции 1985 г. выступал известный археолог П.М. Долуханов. Затем О.С. Широков сказал мне: «Надо бы у этого ленинградца спросить кое-что. Но там Степанов, а он тонкий» — «Тонкий?» — «Ну да, на что-нибудь обязательно обидится!»

Вильнюс в октябре 1991 года на VI международную конференцию балтистов. Сама поездка прошла очень благополучно, я с удовольствием ещё раз посмотрел Вильнюс, повидался со старыми друзьями — как в университете, так и за его пределами. Порадовало меня и то, что никакой русофобии в Литве, только что обретшей свою независимость, не ощущалось. Если ко мне на улице обращались по-литовски, я вежливо отвечал: “Lietivijų kalbos ne suprantu”, после чего собеседник спокойно переходил на русский. Но Юрий Сергеевич, представив на пленарное заседание доклад о балтийском и славянском глаголе, на конференции переменял тему и говорил о культурных схождениях балтийского и славянского мира³. И в дальнейшем он писал по преимуществу о философии языка, лингвокультурологии и т.д. Вместе со своим учеником Сергеем Проскуриным он заинтересовался алфавитами как семиотической системой. В совместной книге «Смена алфавитов в системе двоеверия» они постарались проанализировать символическое значение алфавитных знаков в славянской и германской традициях.

Конечно, занятия компаративистикой помогли Ю.С. Степанову. В своей фундаментальной энциклопедии «Константы: Словарь концептов русской культуры» каждая статья начинается с этимологической справки, составленной весьма квалифицированно. Это даёт необходимую диахроническую перспективу для исследуемых концептов, показывает истоки формирования соответствующих понятий. Но от чистой индоевропеистики Ю.С. отошёл, если не считать вспыхнувшего в конце 90-х гг. интереса к акцентологии. Внимание Ю.С. привлекло непарадигматическое передвижение акцента, описанное законами Уилера, Вандриеса, Шахматова и т.д. На эту тему он опубликовал несколько статей, сделал доклад на большой конференции по индоевропейскому языкознанию, которая состоялась в январе 1997 г. в МГУ. Как-то раз уже в середине 2000-х он мне сказал: «Мне предлагают переиздать “Индоевропейское предложение”. Но ведь эту книгу надо как-то доработать» — «Юрий Сергеевич, — воскликнул я, — я с удовольствием Вам помогу, чем смогу!» Он поблагодарил, но больше к этому разговору не возвращался.

Почему же Ю.С. охладел к когда-то весьма занимавшему его сравнительному языкознанию? Я думаю, причин здесь несколько. Во-первых, он был несколько обижен тем, как была встречена его книга. Вообще-то ничего плохого в этой встрече не было. Автор этих строк опубликовал подробную рецензию в «Известиях АН СЛЯ», развёрнутую статью в «Вопросах языкознания». Появилась рецензия и в *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, в любимом Юрием Сергеевичем городе. Ссылки на его книгу тоже появлялись. Но, как говорила мне одна наша общая знакомая, Юрию Сергеевичу хотелось, чтобы его книга стала так же известна, как книга Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Тем более, что свою реконструкцию он помещал, если можно так выразиться, вслед за ними («Вслед за этапом Гамкрелидзе-Иванова следует этап распада активного строя предложения, формирования номинативного строя, сохранившего немало черт предшествующего состояния»). Однако *pro captu lectoris habent sua fata libelli!*⁴ На книгу Ю.С. действительно ссылаются реже, чем на Гамкрелидзе-Иванова. Впрочем, и эта незаурядная монография в настоящее время не так часто цитируется, хотя существует её английский перевод. И по прошествии почти 30 лет со дня её выхода мы можем утверждать следующее. Главный фонетический сюжет «Индоевропейского языка и индоевропейцев» — глоттальная теория — стала не общепризнанной парадигмой в языкознании, но лишь допустимым вариантом дальней реконструкции. О ней упоминают современные учебные пособия, но не одно на ней не основано. Теория активного строя праиндоевро-

³ Кстати уж припомню ещё один эпизод, связанный с ним и О.С. Широковым. Когда мы возвращались в Москву, то ехали в одном вагоне, — Ю.С. и я в одном купе, О.С. в другом. Ю.С. посмотрел на меня искоса и мрачно сказал: «Когда Олег Широков стал читать лекции в МГУ, он запретил студентам пользоваться моим учебником!» (что вовсе не соответствовало истине: кто-то ввёл Ю.С. в заблуждение). Затем выглянул в коридор и обратился к Широкову, стоящему у окна: «Олег, что ты там скучаешь в одиночестве? Заходи к нам!» Всю дорогу до Москвы мы провели в увлекательной беседе.

⁴ «Книги имеют свою судьбу в зависимости от восприятия читателя». Эта строчка из латинского поэта III в. н.э. Теренциана Мавра обычно цитируется в усечённом виде, из-за чего смысл затемняется.

пейского языкового состояния, развиваемая Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Ивановым и Ю.С. Степановым (и выдвинутая, к слову сказать, намного раньше их книг) имеет сторонников, таких, как покойный Винфред Леман и здравствующие Роберт Бекес, Вильям Шмальстиг, Кеннет Шильдз⁵. Но большинство исследователей просто не принимают её во внимание. Морфология в изложении Гамкрелидзе и Иванова не учитывает морфонологических особенностей морфем. В настоящее время наиболее популярной является Эрлангенская школа, основанная выдающимися лингвистами К. Хофманом, Й. Шиндлером, Х. Айхнером. Эти авторы полагают, что существует четыре (или шесть) различных акцентно-аблаутных парадигм в именном склонении и две или три в глаголе. С моей точки зрения, эта реконструкция неточна, а кое в чём и неверна. Но именно она завоевала наибольшее распространение. Думается, что, когда наука отойдёт от некоторых крайностей Эрлангенской школы, она вернётся к идеям и Гамкрелидзе—Иванова, и Степанова. В частности, в книге «Индоевропейское предложение» и некоторых предшествующих работах Ю.С. блестящее описание корневого аблаута в балтийском и славянском глаголе, его связи с видом и диатезой. Это исследование принципиально значимо для истории индоевропейских глагольных основ. На эту тему пока нет обобщающей монографии. Думается, когда она будет написана, реконструкция Ю.С. Степанова получит должную оценку. Она даёт прекрасную перспективу сопоставления балто-славянской системы с небольшим набором суффиксов и преобладанием аблаута, и греко-арийской — с богатой системой суффиксов и менее функционально нагруженным аблаутом (хотя его роль очевидна и здесь).

Однако вернёмся ко времени выхода книги. Недостаточное признание сообществом индоевропейцев его идей могло, очевидно, побудить Юрия Сергеевича отойти от этой науки. Ещё одна причина состоит в следующем. Ю.С. высокопрофессионально владел латинским, литовским и славянским материалом. Древнегреческий он знал значительно меньше, санскрит и хеттский — ещё меньше, в основном по грамматическим описаниям. А специфика компаративных исследований вынуждает обращаться не только к ним, но и к древнеиранским, кельтским, тохарским языкам. В этих языковых группах, чья история затемнена фонетическими трансформациями, учёные ищут архаизмы, отсутствующие в древнегреческом и древнеиндийском. Усвоить весь этот материал в зрелом возрасте не так просто. Поэтому Ю.С. и ушёл в ту область, где чувствовал себя совершенно свободно — философию языка, семиотику и лингвокультурологию. Конечно, его деятельность здесь была весьма успешной, за свой словарь «Концепты» он получил академическую медаль имени В.И. Даля. Но, думается, и в индоевропейстике он мог бы сделать ещё немало.

Каково же общее впечатление, остающееся в памяти? Основой его личности была красота и артистизм. Высокий, стройный, импозантный, удивительно моложавый и элегантно одетый. Все его жесты были точны, манеры благородны. Его лекции и доклады, его идеи и ассоциативные ходы — всё это было высказано очень красиво и восхищало неожиданно, смелостью, эрудицией. Изысканно владел Ю.С. иностранными языками. Помню, как Э.А. Макаев говорил ему: «Юрочка, Вы же француз!» А по-литовски он говорил так, как уже редко из литовцев: тщательно выпевал все интонации.

Я уже упоминал о том, что у Ю.С. был не очень лёгкий характер. Мне случалось иногда вступать с ним в конфликт. Связано это было вот с чем. Как всякий творческий человек, Ю.С. иногда высказывал парадоксальные, кажущиеся фантастическими идеи, — чего и сам не отрицал. Но его высочайшая культура мысли не позволяла ему оторваться от научной логики. Он привечал людей, склонных к фантазии, но не всегда обладавших такой же, как у него, культурой мышления и навыками исследования. Полюбив же человека, он порой его идеализировал, — и раздражался на тех, кто не разделял его восторженного отношения. Мы разошлись с Ю.С. в оценке одного из его учеников; это история недавнего времени, поэтому не хотелось бы вдаваться в подробности. Некоторое время Ю.С. был на

⁵ Два последних учёных предложили свои варианты реконструкции эргативного строя в праиндоевропейском. В учебнике же Р.С.П. Бекеса изложена классическая реконструкция, близкая к описанной у Гамкрелидзе-Иванова и Степанова.

меня обижен; помириться удалось после того, как в американском журнале «Journal of Indo-European Studies» появилась рецензия на мою книгу (автор — известный специалист по сибирским и индейским языкам Эдвард Вайда), где отмечалось, что «К.[расухин] следует за своим наставником Степановым». Прочитал этот текст Ю.С. с интересом, ему понравилось, что американский коллега хорошо помнит содержание его книги. Дипломатические отношения между нами были восстановлены.

Последние девять лет жизни Ю.С. можно назвать героическими. В июне 2003 г. он перенёс микроинсульт, вызванный переутомлением: в то лето он готовил к переизданию свой словарь «Константы», редактируя и дорабатывая каждую статью, и писал книгу «Протей: Очерки хаотической эволюции». К осени он поправился, но силы его уменьшились. Ю.С. снял с себя руководство отделом, перейдя на должность советника дирекции. И чем дальше, тем больше было видно, как он слабел. Он всё реже появлялся в институте, и информацию о нём мы черпали только от его непосредственных учеников, навещавших его. В последний раз на моей памяти он пришёл в октябре 2010 г., когда Наташа Азарова защищала докторскую диссертацию. Ходил с трудом, опираясь на палку. Но Ю.С. продолжал упорно работать. В 2007 году вышла его книга «Концепты: Тонкая плёнка цивилизации», а в 2010 — «Мыслящий тростник». Он продолжал размышлять о связях языка, знаковых систем, мышления, искусства. Этими раздумьями была заполнена его жизнь — до самого конца.